С.Н.Азбелев

РОЛЬ КАЗАКОВ В ОСВОБОЖДЕНИИ РУСИ ОТ ОРДЫНСКОГО ИГА

(по письменным и фольклорным источникам)

Борьба за освобождение Русской земли от владычества Орды, как известно, ознаменована двумя эпохальными событиями: Куликовской победой над войском Мамая в 1380 г. и бегством войск Ахмата от границ Руси в 1480 г. В результате Русское государство обрело полный суверенитет и вслед за тем — высокий международный статус. Великий князь Иван III начал титуловаться «царем всея Руси».

Есть ли основания говорить об участии казаков в столь судьбоносных для нашего государства событиях 1380 и 1480 гг.? Такой вопрос мог бы показаться праздным, если придерживаться господствовавших в советской исторической науке представлений о генезисе и исторических судьбах самого русского казачества. Еще со времени С.М.Соловьева в нашей историографии возобладало мнение о довольно позднем появлении казаков в России: их считают по преимуществу потомками великорусских крестьян, бежавших от помещиков при начале закрепощения и особенно интенсивно устремившихся на Дон после окончательного установления крепостного права; формирование русского казачества датируется XVI веком[1].

Но есть и иная точка зрения, идущая в основном от Н.М.Карамзина и относящая к более давним временам существование раннего казачества. Именно она в последнее время получила развитие у некоторых историков-казаков. Появились труды, содержащие довольно смелые гипотезы, стремящиеся найти косвенные аргументы для их обоснования иногда даже в источниках, относящихся к первым векам нашей эры, а порой — и в более ранних. При искреннем стремлении к установлению истины, авторам этих трудов в большей или меньшей степени недостает профессионализма. Приводя массу интересных и часто весьма ценных сведений, отысканных путем самоотверженного труда, они нередко забывают должным образом документировать их, допускают много источниковедческих неточностей, перемежают доказуемые факты домыслами, иной раз свидетельствующими только о неосведомленности в научной литерату-

ре по затронутым вопросам. При всех названных недостатках вполне очевидная, на мой взгляд, польза от таких книг состоит в том, что они будят мысль и настоятельно подталкивают к серьезному пересмотру «хрестоматийных» представлений[2].

Кое-что существенное для такого пересмотра уже было выполнено, но, к сожалению, без достаточного влияния на обобщающие труды. Стоит в данной связи отметить, что прямых предшественников донского и терского казачества с полным основанием видели в бродниках — так именовали летописцы XII и XIII веков обитателей Северного Причерноморья, которые исповедовали православную веру, говорили на русском языке, но не входили в состав населения русских княжеств того времени[3].

Степняки-половцы, разорявшие своими набегами русские земли, были и врагами бродников, которые оказывали помощь русским князьям, о чем не раз сообщает летопись. При первом появлении на юге Восточной Европы татар войско их обрушилось на половцев. Половецкие князья, потерпев жестокое поражение, сумели убедить южнорусских князей выступить против татар совместно с половцами. Тогда бродники примкнули к татарам. Произошла известная битва на реке Калке, где половцы, обратившись в бегство, смяли русские полки, что привело к общему поражению.

По этому поводу Л.Н.Гумилев писал: «Пока киевские князья воевали с половцами, бродники были их союзниками, когда же киевляне столковались с половецкими ханами, бродники нашли союзников в лице монголов и помогли Субудай-багадуру выиграть битву при Калке в 1223 г. Золотоордынские ханы умели ценить оказанную им помощь и оставили бродников спокойно жить в долинах Дона и Терека»[4]. Такой вывод логично вытекает из достоверных исторических данных.

Но бродники все же стали данниками татар. В 1254 году венгерский король Бела IV писал римскому папе, что татары заставили платить дань страны, «которые находятся на восток от нашего королевства, а именно Русь, Куманию, Бродников, Болгарию»[5]. Куманами на Западе называли половцев. После татарского завоевания части их удалось переселиться в Венгрию. Но основная масса осталась под властью Золотой Орды. Болгария тоже вынуждена была платить ей дань. Бродников постигла сходная судьба. Но, в отличие от своих соседей половцев, в тяжелых условиях ордынского владычества бродники-казаки сумели до конца сохранить свою веру, а не только свой язык.

Если берега Терека могли быть местом жительства части казаков еще в те времена, когда соседи называли их бродниками, то собственно гребенские казаки, как поясняет историк казачества Е.П.Савельев, переселились сюда позднее с Дона: в бассейне его находился городок Гребни, откуда, согласно преданию, был прине-

сеи Дмитрию Донскому образ Богородицы Гребневской. «Слово *гребень*,— писал Савельев,— есть чисто казацкое, означающее высшую линию водораздела двух речек или балок. На Дону очень много таких водоразделов и все они называются гребнями. На Кавказе же — еще больше, и многие из них, собственно в Терской области, носят такие же названия»[6].

Как известно, сам термин «казаки» сохранившиеся памятники летописания впервые упоминают под 1444 годом: Никоновская летопись сообщила, что в этом году вооруженные рязанские казаки пришли на помощь воеводам Василия II и содействовали московскому войску в победе над татарским[7]. Но фольклор и некоторые средневековые рукописи относят к значительно более раннему времени существенное участие рязанских и донских казаков в национально-освободительной борьбе против ордынского владычества.

Согласно фольклорным данным, за два с лишним столетия до знаменитого похода в Сибирь донского атамана Ермака, носивший такое же имя рязанский казак совершил подвиг, отображенный местным преданием и воспетый в северорусской былине.

Как известно, первая наша победа в борьбе против Мамая была одержана еще до Куликовской битвы — в 1378 году. Подробностей этого сражения, происходившего на берегу реки Вожи вблизи Рязани, в летописях сохранилось мало. Мамай послал войско под командованием Бегича против московского великого князя Дмитрия Ивановича, который выступил навстречу. Бой начался конной атакой татар на русские полки; их центром командовал сам великий князь, а на флангах — князь Данило Пронский и окольничий Тимофей. Битва завершилась бегством врагов; русские их преследовали, убили при этом многих князей и захватили брошенный неприятельский лагерь[8].

Население Рязанской земли сохранило предание об этой битве. Его записал сто семьдесят лет назад М.Н.Макаров, опубликовавший свою запись в 1838 году[9]. Из нее мы узнаем, что важную роль «в ратном деле 1378 года на Воже» сыграл рязанский казак Ермак. Как сообщало предание, «он с своими сотнями все время скрывался в перелесках между Вожей и Быстрицей и внимательно подстерегал врагов». Когда же московское войско стало изнемогать в битве, Ермак «выскочил из своей засады и решил дело». Но победа досталась ценой гибели самого героя: его задавила толпа татар, обратившихся в бегство. В отличие от предводителя Сибирского похода, погибшего в зрелом возрасте, рязанский казак был очень молод: предание всякий раз называет его имя в уменьшительной форме — «Ермачок».

Подвигу юного Ермака посвящена былина, записанная многократно в разных местах Русского Севера. Лучшую запись сделал от Трофима Рябинина в Кижах П.Н.Рыбников[10]. В этом произве-

дении сведения о подвиге рязанского казака использованы как основа для переработки более древней былины о малолетнем богатыре Михаиле Даниловиче[11].

Когда стало известно о приближении татарского войска, Ермак просит послать его в бой, но князь отговаривает юношу, особенно подчеркивая его молодость, которая в былине даже преувеличивается:

Молодой Ермак, ты лет двенадцати,
На добром коне-то ты не езживал,
В кованном седле ты не сиживал
Да и палицы в руках не державал,
Ты не знаешь сноровки богатырския...

Но оказалось, что князь напрасно сомневался в воинской подготовке и боевых качествах Ермака. Получив разрешение не биться с татарами, а только «повыехать в раздольице чисто поле, посмотреть на силушку поганую», молодой воин снарядился, однако, для боя:

Садился Ермак на добра коня,
Берет с собой палицу булатную,
Берет вострое копье он мурзамецкое;
Он повыехал в раздольице чисто поле.

Вопреки княжескому запрету Ермак вступает в бой —

Посмотрел Ермак на силушку великую:
Его сердце богатырско не ужа́хнулось.
Он зовет себе Бога на помо́чь,
Въехал-то он в силушку великую,
Стал он эту силушку конем топтать,
Конем топтать, копьем колоть.
Бьет он эту силушку, как траву косит...

Старшие богатыри с трудом сумели остановить юношу, который «бился целые суточки, не едаючись и не пиваючись», пока не «побил он эту силушку великую». Остатки вражеского войска обращаются в бегство, но сам герой гибнет:

Со этыих побоев со великиих,
Со этыих с ударов со тяжелыих, —
Кровь-то в нем была очень мла́дая, —
Тут молодой Ермак он преставился.

Былина сосредоточила внимание на действиях одного персонажа, что традиционно для произведений героического эпоса. Рассказчики предания называли и двух сподвижников Ермачка — «казачьих богатырей Рогожу и Чайцу». В предании нет каких-либо

следов воздействия фольклора о покорителе Сибири атамане Ермаке Тимофеевиче. Но былина такое влияние испытала: во всех вариантах упоминается отчество «Тимофеевич»; однако этим только и ограничивается соотнесенность ее с историческим лицом XVI столетия. В большинстве вариантов былины нет речи о гибели юного Ермака. По справедливому заключению В.Я.Проппа, такие варианты «художественно менее значительны и интересны»[12].

Сведения об участии казаков в самой Куликовской битве можно найти не только в произведениях фольклора. Как писал еще в восемнадцатом столетии основательно изучавший историю казачества русский генерал А.И.Ригельман, «краткая Московская летопись напоминает нам, что перед сражением московского великого князя Димитрия Ивановича с Мамаем поднесена ему донскими казаками икона Донская, которая ныне в Москве в Донском монастыре находится»[13]. Сам летописный текст, использованный Ригельманом, пока не найден, но более развернутое указание обнаружил позднее известный историк И.Е.Забелин в другом источнике. Это предисловие к «Вкладной книге» московского Донского монастыря, написанное его архимандритом в 1692 г. Как сообщал Забелин, «здесь между прочим говорится: "Того ради последи прославися образ Пресвятые Богородицы Донской, зане в<великому> к<нязю> Димитрию Иоанновичу Донские казаки, уведавши о пришествии благоверного в<еликого> к<нязя> Димитрия Иоанновича в междоречии Дону и Непрядвы, вскоре в помощь православному воинству пришли бяше и сей Пречистые Богоматере образ в дар благоверному и в<великому> к<нязю> Димитрию Иоанновичу и всему православному воинству в сохранение, а на побеждение нечестивых агарян вручили"»[14].

Летописная повесть о Куликовской битве сообщала общую численность войск, собравшихся под знамена Москвы; каков был их состав, здесь не говорилось. Более подробные сведения дошли в разных редакциях и списках так называемого «Сказания о Мамаевом побоище». Оно основывалось, очевидно, на устных сказаниях, бытовавших затем параллельно с письменными своими обработками, продолжавшими черпать дополнительные сведения из устной традиции, которая, в свою очередь, испытывала воздействие традиции рукописной[15].

В этом произведении есть сведения о деяниях Захария Тютчева (дальнего предка поэта Федора Ивановича Тютчева). Разные редакции «Сказания о Мамаевом побоище» рассказывают о том, как великий князь Дмитрий Иванович отправляет Захария Тютчева послом к Мамаю, уже выступившему с армией против Москвы. Мамай, едва не казнив Захария за дерзость, отослал его с оскорбительным письмом к русскому князю. Захарий на обратном пути

рвет это письмо, и русские, предупрежденные гонцом Захария, берут в плен сопровождавший его отряд татар.

Более ярко изображен этот эпизод в устном героическом сказании о Куликовской битве, которое записал А.Харитонов в Шенкурском уезде около полутора веков назад и тогда же издал А.Н.Афанасьев. Сказание повествует и об участии Захария, названного здесь Тютриным, в самой битве. Уже на обратном пути он посылает князю Дмитрию Ивановичу весть, что пора по всей Русской земле собирать войска для отпора Мамаю. «А я пойду,— сообщает Захарий,— в свое место, стану собирать мохначей, бородачей — донских казаков». Эти слова можно понять так, что из среды донских казаков происходил и сам Захарий Тютчев.

Перед битвой русское войско разделили на полки; военачальники кидают жребий — «кому первому на татаровей поганых идти? Первый жеребий выпал русскому послу Захарью Тютрину, с мохначами, бородачами — донскими казаками».

Описывается начало боя: «Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове на кровавое побоище: перёд держал русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками. Палась им встретý сила Мамая безбожного: когда сила с силою сходилась, мать сыра земля подгибалась, вода подступалась». После окончания схватки передовых полков «учали смечать: у кого сколько силы пало? У русского посла Захарья Тютрина на одного мохнача, бородача — донского казака по две тысячи по двести татаровей выпало».

Бой продолжают другие русские полки. Как известно по письменным источникам, к концу сражения татары, несмотря на свои огромные потери, стали одолевать, но исход Куликовской битвы решило неожиданное для них выступление ударившего во фланг засадного полка русских, спрятанного в дубраве. Это был тактический прием, уже примененный, согласно преданию, казаками Ермака-рязанца.

В устном сказании о Куликовской битве говорится: «Втёпор сила Мамая безбожного, пса смердящего, нашу силу побивать стала. Русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев и вся Дмитрия Ивановича сила-рать могучая Господу Богу возмóлились: "Господи Иисусе, истинный Христос, Дон-Мать Пресвятая Богородица! Не попустите некрещеному татарину наругаться над храмами вашими пречистыми, пошлите нам заступника Георгия Храброго". Из-за тех ли темных лесов, зеленых дубрав выезжает сильное воинство; ударилось оно на силу Мамая безбожного». Войско Мамая не выдерживает натиска и обращается в бегство[16].

По изложению это устное сказание местами приближается к сказке, но основным своим содержанием соответствует тому, что мы находим в летописях. Можно поставить вопрос: не относятся ли к сказочным подробностям отсутствующие в сохранившихся летописях упоминания об участии казаков в событиях 1380 года?

Ответить на такой вопрос помогает другая версия сказания о Куликовской битве. Она обнаружена недавно в старообрядческой рукописи. Здесь несколько иначе назван интересующий нас герой: это «Руские земли посол князь Захарей Тютнев». Подобно устному сказанию, в этой рукописи говорится, что, возвращаясь от Мамая и побив на пути татарский отряд, Захарий «отписал грамоты и ерлыки на великое Московское государство к великому московскому князю Димитрею Ивановичу», а сам начал «собирать волных казаков».

Упоминания о казаках есть и далее, причем они названы здесь черкасскими. Например, говорится о сборе войск: «И еще пришел князь Захарей Тютнев с волными козаками, с черкасками казаками на помощь к великому князю Димитрею Ивановичу».

Сказание, сохранившееся в новонайденной старой рукописи, содержит одно важное уточнение сравнительно с устным текстом, который записал А.Харитонов: говорится, что «князь Михайло Брянской» был во главе «черкаских казаков», и под его главенством «пошли оне драться против востошного царя Мамая безбожного»[17]. По другим источникам мы знаем, что одним из воевод засадного полка был князь Роман Михайлович Брянский, а среди погибших в бою — Михаил Бренок (принятый татарами за великого князя). По-видимому, устная традиция в данном случае как бы совместила их в одном лице. Но, во всяком случае, перед нами частичное подтверждение мысли историка казачества И.Ф.Быкадорова, полагавшего, что «засадный полк состоял из казаков»[18].

Наименования казаков в разных версиях сказания донскими и черкасскими друг другу не противоречат: в Черкасске (позже — станица Старочеркасская) долгое время был центр донского казачества, перенесенный затем в Новочеркасск.

В устном сказании участники Куликовской битвы обращаются к образу Богородицы Донской: «Дон-Мать Пресвятая Богородица!» Находящаяся сейчас в Москве икона Донской Богоматери, согласно недавнему заключению искусствоведов, является «древней копией с несохранившейся коломенской иконы» и «была написана Феофаном Греком между 1380 и 1396 гг.» специально для Москвы. Оригиналом служила погибшая при пожаре в 1739 году икона в виде хоругви, которая находилась в русском войске на Куликовом поле, а затем сохранялась в Коломне, бывшей местом сбора войск, шедших против Мамая[19].

Таковы сведения, находящиеся в независимых друг от друга памятниках. Устные произведения были записаны в XIX веке, другие свидетельства дошли до нас в рукописях XVII и XVIII столетий (не знаем, к какому времени относилась рукопись летописи, использованная А.И.Ригельманом). Как известно, не сохранилось описаний знаменитой битвы 1380 года в рукописях того же времени. Подробные повествования о ней дошли только в сравнительно поздних списках — отчасти XVI-го, а главным образом, XVII-го и XVIII-го, и даже XIX-го столетий. Естественно, что мы вправе доверять основному содержанию известий об участии казаков в сражении на Куликовом поле в такой же степени, в какой доверяем остальным рассказам о ней, находящимся в других источниках той же давности.

Если отсечь свойственные вообще таким произведениям поэтические домыслы, то остается правдоподобное историческое зерно. Донские казаки пришли на помощь москвичам, принеся с собой образ Божьей Матери: «Войско несло этот образ, в виде хоругви, во время битвы 8 сентября 1380 года, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы»[20]. Можно полагать, что казаки были и в составе передового полка, принявшего на себя первый удар вражеской армии, и в засадном полку, который решил исход сражения на Куликовом поле.

Если достоверность исторической основы фольклорных повествований, о которых шла речь выше, в той или иной степени могла бы стать предметом спора, поскольку эти сведения не отобразились в достаточно ранних летописных сводах, безусловно восходящих к записям современников, то начиная с 1468 г. имеем и летописные известия, аутентичность которых не может подвергаться никакому сомнению. При этом речь идет уже не о помощи москвичам со стороны пришлых донских или рязанских казаков, как это имело место во времена Дмитрия Донского и Василия II, а о властном использовании казацких отрядов Иваном III, который, по-видимому, располагал ими в самой Москве.

Уже к началу его правления относятся известия ряда летописей о казаках, служивших под командованием воеводы Ивана Руно. Они вели военные действия против казанских татар, которые разоряли своими набегами русские земли и уводили пленников, продаваемых потом в рабство.

Летописи сообщают, что весной 1468 года после Пасхи Иван III «послал на Каму воевати мест Казаньскых с Москвы к Галичу Руна с казакы»; к ним присоединились воеводы из Галича и других приволжских мест, разоряемых казанцами, и отряд отправился далее «в судех на Николин день»[21]. Двигались сначала по реке Вятке, а затем, спустившись по Каме, русские ответили на действия татар разорением казанских пределов. Встретив отряд казанцев,

Иван Руно приказал своим людям вступить в бой. Татарский воевода попал в плен, отряд его был уничтожен, а ратники Ивана Руно, потеряв только двух человек убитыми и 60 ранеными, благополучно вернулись в Москву.

Более крупные силы были посланы непосредственно против Казани в следующем году. Летописи прямо не говорят, находились ли опять казаки в составе русского войска, но трудно сомневаться, что основу его они составили и на этот раз. Дело в том, что, хотя главным воеводой был назначен Константин Беззубцев, он остался в Нижнем Новгороде, а ратники по своей воле отправились дальше к Казани, выбрав из своей среды воеводой Ивана Руно — того самого, который возглавлял казаков в прошлогоднем походе. Отплыв из Нижнего Новгорода, отряд под командованием Ивана Руно ночью подошел к Казани. Внезапно проникнув ранним утром в городские посады, русские зажгли их, побили казанцев и освободили множество томившихся в Казани христианских пленников[22].

Позже Иван III сумел подчинить себе Казанское ханство. Но до того было покончено с зависимостью Русского государства от Орды. Важная роль в этом принадлежала, очевидно, казакам, которые ранее в качестве судовой рати успешно действовали против казанцев.

Как известно, в 1480 году ордынский хан Ахмат привел на Русь огромное войско, дошедшее до пограничной в то время реки Угры невдалеке от Москвы. На противоположном берегу заняло оборону войско Ивана III. Оно не переправлялось через Угру, но и пресекало попытки сделать это со стороны татар. Неподвижное противостояние двух армий продолжалось месяц, после чего Ахмат поспешно отступил и вернулся в степи. Одновременно отошли от Угры и русские войска. Как писал Карамзин, «Иоанн, распустив войско, с сыном и братьями приехал в Москву славословить Всевышнего за победу, данную ему без кровопролития»[23].

Победа досталась Ивану III без сражения на Русской земле, но благодаря военным действиям в самой Орде. Сведения об этом сохранились в некоторых источниках. «Казанский летописец» сообщал, что Иван III втайне послал «Златыя орды пленити служивого своего царя Иурдовлета Городецкого, с ним же воеводу князя Василья Ноздреватого Звенигороцкаго со многою силою». Пока Ахмат «стояше на Руси», они «Вольгою в лодиях пришедше на Орду» и всех находившихся там (как и весь татарский скот) частью захватили, частью же «огню и воде и мечю предаша». Это и повлекло за собой конец вражеского вторжения на Русь: «И пребегоша вестницы ко царю Ахмату, яко Русь Орду его пленниша, и скоро в том часе царь от реки Угры назад обратися бежати»[24].

Сказанное неудивительно, ибо, согласно уточнениям других летописей, разгром ордынской столицы был сокрушительным: «юрты

все разориша, коих же обретоша, тех всех побиша и в плен отведоша и пустую учиниша, и от того времени Орда оная до конца оскуде»[25] (согласно другому тексту — «Орда от того вконец запусте»[26]). Даже в разрядных книгах XVII века нашлось упоминание, что некогда «татарские цари жили в Орде на луговой стороне Волги реки, на реке Ахтубе», но «по милости всесильнаго в Троице славимаго Бога» русские «на Ахтубе Орду войною разорили и учинили пусту»[27].

Из кого же состояла судовая рать, совершившая отважный и дерзкий рейд в столицу Орды? Прямого ответа в летописях нет, но уже по аналогии с предыдущим надо думать, что в ее составе были казаки. Такое предположение подкрепляет, как увидим, ряд косвенных данных.

Возглавлявший эту рать Нордоулат был братом крымского хана, с которым Иван III заблаговременно вступил в союз против их общего врага Ахмата[28]. Незадолго до его выступления Нордоулат, как сообщает летопись, пришел «служити» Ивану III[29] и получил позднее от него титул вассального «царя Городецкого»[30] — соответственно названию удела, данного ему на восточной окраине Русского государства. Городец, ставший владением Нордоулата, находился в тех местах, которые часто подвергались казанским набегам и служили плацдармом ответных действий казаков. Из них поэтому и могло состоять войско Нордоулата на Руси — помимо, конечно, татарских князей и уланов, сопровождавших его как крымского царевича.

Союз Ивана III с крымским ханом продолжался и после 1480 г.: оба они стремились покончить с остатками могущества ханов Орды. Нордоулат же оставался на Руси (здесь он умер между 1498 и 1503 годами)[31] и продолжал служить Ивану III.

Русскому государю представился вскоре случай отблагодарить крымского хана за то, что крымские войска в 1480 г. нейтрализовали действия польско-литовского короля, на которого рассчитывал тогда Ахмат как на своего союзника.

Никоновская летопись сообщает, что в 1491 г. Иван III «на помощь крымскому царю Мин-Гирею отпустил воевод своих в Поле под Орду»; после перечисления их имен говорится: «да Мердоулатова сына царевича Сатылгана с уланы и со князи и со всеми казаки послал вместе же со своими воеводами»[32]. В более раннем Сокращенном летописном своде 1495 г. это известие читается с уточнением: «А к царю к Нудровлату послал князь великий грамоты свои, чтобы отпустил сына своего царевича Салтыгана на поле же с уланы и с князи и с всеми казакы»[33]. Из приведенного текста ясно, что именно казаки были главной силой, которой располагал на русской службе Нордоулат. Следовательно, из казаков и состо-

яла (по крайней мере — в основном) его судовая рать, разгромившая в 1480 году столицу Орды.

Вернемся к Карамзину. Описав этот разгром, он заключал: «Нордоулат удалился; а хан, сведав о разорении улусов, оставил Россию, чтобы защитить свою собственную землю. Сие обстоятельство служит к чести Иоаннова ума: заблаговременно взяв меры отвлечь Ахмата от России», он «ждал их действия и для того не хотел битвы»[34]. Можно, по-видимому, добавить, что «сие обстоятельство» служит и к чести казаков, своим походом избавивших Россию от кровопролития, результат которого еще не был заранее предрешен.

Через семь лет после бегства Ахмата Иван III подчинил Казань, сделав ханом ее своего вассала. Соответственно официальный титул русского монарха приобрел такой вид: «Иоанн, Божиею милостию великий государь, царь всеа Русии, Володимерский и Московский, и Новогородский, и Псковский, и Тферский, и Югорский, Вятцкий и Пермский, и Болгарский, и иных»[35] — титулование «Болгарским» имеет в виду Казанское ханство, занимавшее земли древней волжской Болгарии.

Царский титул Ивана III за последние десятилетия его правления стал привычен и для подданных государя, и для монархов зарубежных[36]. Но покорность державному владыке казанского вассала, как обнаружилось, была притворной. В конце жизни Ивана III, пользуясь его болезнью, правитель Казани вышел из повиновения, вторгся с войском на Русь и начал жестокие военные действия. Смерть застигла русского царя во время приготовлений к большому походу на Казань, немалая роль в котором отводилась, должно быть, казакам. Об этом свидетельствует народная песня, сохранившаяся от тех времен и записанная А.А.Догадиным из уст астраханских казаков. В песне «молодой казак» стоит на часах у гроба и обращается к умершему монарху:

«Ты восстань, восстань,
Ты, наш православный царь, <...>
Царь Иван Васильевич,
Ты, наш батюшка!
Ты взгляни, взгляни
На свою силушку. <...>
Твоя силушка
Скоро во поход войдет. <...>
Как под тот-то славный
Казань, Казань-город»[37].

Несомненно, что царь Иван Васильевич, к которому обращены слова казака в песне, это Иван III, а не Иван IV, умерший через тридцать с лишним лет после того, как Казань вошла в состав

Русского государства и отпала необходимость совершать туда военные походы[38]. Роль казаков в окончательном подчинении Казани — особая тема, рассмотрение которой тоже требует привлечения как письменных, так и фольклорных источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Новейшая компилятивная работа, стремящаяся еще раз обосновать такой взгляд: Мамонов В.Ф. История казачества России. Екатеринбург — Челябинск, 1995. Т. 1.

[2] См.: Быкадоров И.Ф. История казачества. Прага, 1930. Кн. 1; Савельев Е.П. Казаки. История. Владикавказ, 1991; Гордеев А.А. История казаков. М., 1992. Ч. 1. Вторая из перечисленных книг является не совсем полным переизданием библиографического раритета — работы, печатавшейся отдельными выпусками перед революцией 1917 г. в Новочеркасске, третья — переиздание сочинения, написанного в эмиграции. Примыкает к этим книгам совсем недавнее обширное сочинение полубеллетристического характера: Нелепин Р.А. История казачества. СПб., 1995. Т. 1. Переизданный в Москве в 1992 г. репринтным способом трехтомный «Казачий словарь-справочник» Г.В.Губарева и А.И.Скрылова (Кливленд и Сан-Ансельмо, 1966—1969) в тех своих статьях, где речь идет о ранней истории казачества, имеет, к сожалению, те же недочеты, что и названные труды историков-казаков.

[3] См.: Мавродин В.В. Славянорусское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в 10—15 веках // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена. Л., 1938. Т. 11. С. 7—49; Волынкин Н.М. Предшественники казачества — бродники // Вестник Ленинградского университета. Л., 1949. № 8. С. 55—62.

[4] Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966. С. 177.

[5] Codex diplomaticus Hungariae. Ed. G.Fejer. Budae, 1829. T. 4. Vol. 2. P. 219.

[6] Савельев Е.П. Казаки... С. 239. Согласно данным, которые довольно подробно приводил самый ранний историк казачества А.И.Ригельман, переселение произошло в начале XVII столетия, в связи с событиями Смутного времени. См.: Ригельман А. История или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч. <...> 1778 года. М., 1846. С. 138—139.

[7] См.: Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). СПб., 1901. Т. 12. С. 62. А.А.Гордеев в названной выше книге на с. 121, сообщив об этом факте, дает глухую и неверную ссылку на источник.

[8] См., например: ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 118.

[9] См.: Русские предания, изданные М.Н.Макаровым. М., 1838. Кн. 1. С. 71—72.

[10] См.: Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Изд. 2-е. М., 1909. Т. 1. С. 35—43. Ниже цитируется эта запись. Обзор всех известных к тому времени вариантов был произведен в статье: Оксенов А.В. Ермак в былинах русского народа // Исторический вестник. СПб., 1892. Т. 49.

№ 8. С. 424—442. Автор, не знакомый с преданием о Ермаке, полагал, что прототип героя былины — покоритель Сибири, и отсылал к труду О.Ф.Миллера, которому тоже не было известно упомянутое предание.

11 См. об этом: Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 138—139; библиография вариантов обеих былин — на с. 284 и 290.

12 Пропп В.Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 323.

13 Ригельман А. История или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какой время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч. <...> 1778 года. М., 1846. С. 6.

14 Забелин И.Е. Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря. 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 1893. С. 3—4.

15 См. подробнее: Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов. (На материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н.Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 143—146.

16 Народные русские сказки А.Н.Афанасьева в трех томах. М., 1985. Т. 2. С. 377—383.

17 Мелихов М.В. «Сказание о Мамаевом воинстве» // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1989. Т. 42. С. 393—403. См. также: Мелихов М.В. Вновь найденный текст «Сказания о Мамаеве воинстве» (сыктывкарский список конца XVIII в.) // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 26—38.

18 См.: Быкадоров И.Ф. История казачества... С. 84. Однако автор ошибочно писал, что это «говорится» в устном сказании, которое опубликовал А.Н.Афанасьев.

19 См.: Кочетков И.А. Является ли икона «Богоматерь Донская» памятником Куликовской битвы? // Древнерусское искусство XIV—XV вв. М., 1984. С. 36—45.

20 Киселев А. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. М., 1992. С. 50. Существует еще упомянутая выше икона Богородицы Гребневской. Согласно Е.П.Савельеву, «услышав, что московский великий князь Дмитрий Иванович собирает войска на решительную борьбу с татарами, донские казаки из городков Сиротина и Гребни поспешили к нему на помощь и поднесли накануне Куликовской битвы, бывшей 8 сентября 1380 г., икону-хоругвь Донской Богородицы и образ Богородицы Гребневской» (Савельев Е.П. Казаки... С. 195; неточная отсылка дается автором только к цитированной выше публикации И.Е.Забелина).

21 Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.—Л., 1949. Т. 25. С. 280. Аналогично в ряде других летописей — Воскресенской, Львовской, Никоновской (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 153; СПб., 1901. Т. 12. С. 119; СПб., 1910. Т. 20. 1-я половина. С. 279).

22 См.: Московский летописный свод конца XV века... С. 281—282. Аналогично — в тех же летописях (соответственно — с. 155—156, 120—122, 279—281). Весьма приблизительно передал эти события И.Ф.Бы-

кадоров, смешав два похода разных лет и дав неточную ссылку на источник (см. С. 101—102 указанной его книги). При этом автор полагал, что Иван Руно — казачий атаман; в действительности это был московский боярин, попавший позже в опалу, но отнюдь не вследствие своих военных успехов (как безосновательно писал Быкадоров). См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 156—158.

23 Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 6. Стлб. 99.

24 ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. Стлб. 7—8.

25 Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича, издан по списку князя Оболенского. М., 1853. С. 15.

26 Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Собр. М.П.Погодина, № 1623. Л. 73.

27 Выписка в Разряде о построении новых городов и черты. Копия снята А.А.Голомбиовским с документа, хранящегося в Московском архиве Министерства юстиции // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1892. Вып. 33. С. 49.

28 См.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 18—19.

29 Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 197.

30 См.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 138.

31 См.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 288—289.

32 ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 228.

33 ПСРЛ. М.—Л., 1962. Т. 27. С. 361.

34 Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 6. Стлб. 99. Некоторые историки позже высказывали сомнения в достоверности известий о разорении Орды судовой ратью, которую послал Иван III. Неосновательность таких сомнений недавно убедительно показал А.А.Шенников (см.: Шенников А.А. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. Л., 1987. С. 45—49).

35 Цитирована грамота, врученная послами Ивана III бургомистру Любека в 1498 г. (Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1851. Ч. 1. Стлб. 87).

36 См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. С. 145—146.

37 Исторические песни XIII—XVI веков. М.—Л., 1960. С. 475. Отточиями обозначены опущенные при цитации повторы.

38 См.: Амелькин А.О. О ком плачет часовой? // Живая старина. М., 1996. № 2. С. 29—30.